

Романы Виктыка вершатся лишь на небесах

— Роман Григорьевич, столько слухов ходит о вас. Говорят, вы женаты на Ирине Мирошниченко?

— О, это очень дорогой для меня человек. Во-первых, я поставил с ней несколько спектаклей, среди которых, на мой взгляд, одна из ее лучших работ в пьесе Т. Уильямса «Татуированная роза». Вторых, я, несмотря ни на какие театральные ситуации, никогда Иру не предавал. Однажды, во время репетиций «Татуированной розы», она сильно заболела и надолго попала в больницу, даже двигаться не могла. На худсовете во МХАТе меня упорно — по-всякому — уговаривали, чтобы я Иру заменил и премьеру играла другая актриса. Но я ни секунды не сомневался в том, что заменить ее невозможно. К тому же узнать о замене больному человеку, а тем более актрисе с очень развитым воображением и чувственностью, было бы невыносимо и могло помешать ее выздоровлению. Моя карьера не стояла ее страданий, ее боли, я не имел на это права. И я убедил худсовет. И мы ее ждали, целый год без нее не репетировали...

— Не знаю, известно ли Ире об этом случае с худсоветом. Я о нем в первый раз говорю. Кстати, весь тот год я не получал жалованья. Но моя к Ире привязанность и верность гораздо для меня дороже всего остального. И она это знает. А если считать, что брак — это вещь духовная, совершаемая на небесах, то, конечно, она моя жена. У нас мистический брак. Я думаю, у меня много «небесных» жен: Терехова, Максакова, Неелова, Ахеджакова, Дороница, Оля Яковлева, Демядова, Талызина, Метлицкая... Не забыть бы кого.

— А разводы в этих браках бывают?

— Господь Бог соединил меня со всеми этими актрисами, и брак наш, конечно, нерушим, он существует и сейчас. Это небесный брак, потому что любовь — идея неземная, она является прорывом в другой мир, и этот мир выбирает те две души, которые готовы к любви. А семья — это то, что убивает любовь, по-моему. Семью придумало государство, так обществу легче контролировать людей.

Наблюдать, как он репетирует, не менее интересно, чем смотреть спектакли. Режиссер садится в центре зрительного зала и оттуда ужасно громко кричит и даже матерится, чего никак не ожидаешь от человека такой сублимной комплекции...

— Вы немилосердны по отношению к семейным людям... Говорят, вас недолюбливают в театральной тусовке, стоите там особняком. Как вы к этому относитесь?

— Впервые об этом слышу. Я не хожу на тусовки, меня это совершенно не интересует. Человек — это монада, он заключен сам в себе, в своем мире. Самое главное — создать свою монаду и существовать в этой структуре, в этой свободе, в истине, в добре, в своем мироощущении. И что бы над этим было небо, а Бог был внутри тебя. Остальное не имеет значения. Хотя меня иногда приглашают на вручения музыкальных или «киношных» премий. Я всем улыбаюсь, они улыбаются мне. Я считаю, лучше улыбаться, чем делать страшные лица и излучать на других черную энергию.

Мысль, направленная завистливым, черным человеком, прорывает твою ауру, разрушает душу, если ты не защищен. Тогда и репетировать нельзя.

— А вы защищены?
— Категорически. Я каждый свой день с того начинаю. Без купола, который я создаю вокруг себя, выходить на улицу нельзя.

— Как вы это делаете?

— Только музыкой. Каждое утро не менее полутора часов в моем доме играет музыка: это защищает и меня,

и мое жилище от проникновения негативных, отрицательных мыслей. Естественно, это классика. Допустим, это Восьмая симфония Малера, написанная через гениальную хоровую структуру, в ней около тысячи голосов. Представьте, целая тысяча голосов звучит у тебя дома, и все они тебя защищают, отгоняют от твоей души все черные стрелы.

Бывают дни, когда нужно слушать Доницетти в исполнении Каллас, или Чайковского, в зависимости от того, что на тебя надвигается.

— Вы имеете музыкальное образование? Может быть, поете?

— Во Львове мне как-то гадала цыганка. Она посмотрела на мою руку и очень убежденно заявила, что я буду дирижером. Мне тогда было 12 лет. Мама долго смеялась, она считала, что у меня абсолютно нет слуха. Почему-то это странное предсказание запало мне в душу. И когда я поступил в ГИТИС на режиссерский, первым делом пошел к педагогу по музыке Нине Павловне Збруевой. Я настолько верил в свое дирижерское призвание, что Нина Павловна — святой человек — взяла меня «дирижировать» факультативно. Я ей очень за это благодарен.

Нужно было еще изучить нотную грамоту. Так я попал к Галине Петровне Рождественской — еще один святой

человек, — которая, поняв, что я вижу ноты в первый раз, все же стала терпеливо со мной заниматься. Через четыре года я уже умел сносно играть, допустим, до-минорный прелюд Рахманинова... А как мы с ней пели! Я перепел все существующие драматические партии для тенора. Хотя облик у меня был от Пьеро, я любил петь Паяца Леонкавалло и другие арии человека отчаявшегося, уходящего из этой жизни. Жуткий трагизм и полная безысходность особенно мне удавались.

...Эти замечательные женщины дали мне дутенку в режиссуру, потому что для меня режиссура существует по тем же законам, по которым развивается дух музыки, дух трагедии.

— А вы сознательно эпатируете публику однополый любовью, голыми задницами, матом со сцены?

— Да, вот Житинкин, например, поставил пьесу, где все время матюкаются. И ничего, народ смотрит. Это не эпатаж. Когда драматургами номер 1 в стране стали Горбачев и Ельцин, они произвели такие взрывы и настолько обнажили все язвы общества, что народ стало трудно эпатировать. Удивлять — да. Режиссер и актеры должны ставить своей целью удивить публику, причем не только внешне, но и внутренне.

— По-моему, мужчины в ваших спектаклях гораздо привлекательнее, чем женщины.

— Куда уж — быть привлекательнее Лолиты в исполнении Иры Метлицкой или Люды Погореловой? Или Макаровой в пьесе Гибсона «Двое на качелях»? Какая там недостижимость, невозможность любви в этом мире, где любовь агонизирует!

Кстати, о женщинах, которых играют мужчины. Как-то на фестивале в Югославии исполнителя роли Мадам в «Служанках» Сергея Виноградова наградили за лучшую женскую роль. Это было не в шутку, а серьезно. Момент этот очень важен для меня.

В наших театральных школах воспитывают мужественных актеров и женственных актрис. На мой взгляд, это категорически неверно, происходит закрепощение организма. Пластики — ноль. А ведь для настоящего актера

тело — это инструмент, посредством которого с помощью своего воображения он может стать или воском, или сталью. Мы забываем уже, что во времена Шекспира Джульетту играл только мальчик 12—13 лет, у которого еще не произошло окончательное оформление мужской структуры, пока он пребывает как бы в андрогинном состоянии. Актер — это полчеловека, он должен ощущать в себе эту андрогинную недостижимость своей половины, вечный поиск которой имеет колоссальное значение. И неспроста Жан Жана настаивал на том, чтобы в его «Служанках» играли только мужчины. Эта, основанная на древних традициях, точка зрения просто кричит о том, насколько неправильно построено все наше театральное обучение.

— А можно ли сравнивать двух блистательных актеров нашего театра, в разное время игравших М. Баттерфляй, — Эрика Курмангалиева и Ярослава Здорова?

— Они совершенно разные. В Эрике есть тайна, он непредсказуем. В нем намешано и светлое, и черное, и одно борется с другим. В разные периоды его жизни свет или тьма в нем побеждает.

Ярослав — это свет, гармония. Это небесное воплощение андрогина на Земле. Если этим миром правит Дьявол, Эрик, безусловно, принадлежит к его войску, а Ярослав — из войска Господнего. Оба они ангелы, черный и белый.

— Какая же М. Баттерфляй вам больше нравится?

— Это два разных спектакля. И Сережа Маковецкий играет сейчас совсем другого Галлимара. Он все время чувствует, что в исполнении Ярослава зло иногда принимает лики добра, а у Эрика зло не скрывало своей сути... У меня давно возникла мысль, что первый акт спектакля должен опять играть Эрик, и только второй — Ярослав. Или наоборот. Ведь жизнь — борьба темных и светлых сил, и неизвестно, что перевесит в конце концов. Ангелы должны меняться местами.

— Вы производите впечатление человека, довольного своей жизнью. Что-нибудь вам в себе не нравится?

— Только одно. Что я должен был жить в начале века. А я живу в конце. Я должен был жить в серебряном веке, когда были Гумилев, Ахматова, Кузьмин, Городецкий Блок, Дягилев, Нижинский Стравинский... Когда эстетика, форма были содержанием искусства. А после революции все это было уничтожено. И то, что было таким естественным для меня в начале века, с трудом, кровью и нервами, приходится пробивать сейчас в конце века.

Мы все свидетели гибели существующей культуры. Мои молодые актеры — провозвестники театра XXI века. И моя любовь к ним — это мост в тот век. Я надеюсь, что любовь, которую я даю им, обязательно вернется ко мне. Я живу предвкушением того, как получу от них весь свет любви в начале грядущего века... Боже, как красиво сказал...

Приехал как-то в Москву известный итальянский режиссер и актер. Не помню, странно, как его зовут. Он играл в спектакле на сцене Театра им. Маяковского. Было очень мало зрителей, и он страшно разозлился. Потом была запланирована встреча с театральной общественностью, но театральная общественность разбежалась, и в зале осталось совсем немного народа. Режиссер вышел на сцену в очень агрессивном настроении и начал кричать, что в этой стране искусство никому не нужно, что он провозвестник нового искусства и больше того — инопланетянин. А поскольку я в Италии не раз ставил спектакли, язык немного знал, то понял, что он сказал. Сидя в первом ряду, я ему и заявил: «Я тоже инопланетянин». Он как закричит: «Кто?!» Я повторил. Он внимательно на меня посмотрел... и убежал со сцены, ни слова больше не сказав.

Вот как встретились два инопланетянина. Кто из нас ненастоящий, рассудит время

Последние фразы Роман Григорьевич произнес, надевая дубленку. После чего он вдруг провалился в черную дыру открывшегося дверного проема.

Беседу вела
Наталья ПАНФЕРОВА.